Цѣна в Германіи 100 милліардов мар.
Preis in Deutschland 100 Milliarden Mark.

Подписная цѣна в Германіи 550 милліардов марок в мѣсяц.

Цѣна об'явленій: Послѣ текста 20 пф. зол. за милим., в текстѣ 60 пф. зол. за милиметр.

Рукописи без обозначенія условій считаются безплатными. — Редакція не обязана возвращать лепких рукописей.

Редакція газеты „Время" в Берлинѣ — Berlin W 8, Kronen Strasse 4/5. Телефон: Zentrum 70-41, 34-66.

Редактор принимает ежедневно от 12—1 ч.

Пріем подписки и об'явленій в конторѣ издательства Berlin W 8, Kronenstr. 4—5. Телефон: Zentrum 7041 und 5406.

ВРЕМЯ

„Wremja"

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Gebr. Barenholz
GBM
производство · экспорт
вязальная шерсть
хлопчатобумажныя
издѣлія
предложенія по требованію
Berlin C 54 Weinmeisterstr. 14.

№ 279 Берлин, Понедѣльник 26 ноября 1923 г. Год изданія V

всевозможные
Музыкальные инструменты
и струны
C. A. Wunderlich, Markneukirchen
Осн. въ 1854 г. Прейскурт бесплатно

Виллы, доходныя дачи, имѣнія, фабрики, зданія для дѣловых цѣлей.
продает покупает
АРХИТЕКТОР A. LANGE

Международныя перевозки
Lehmann & Co
G. m. b. H.
Bremen Stettin Hamburg
Rotterdam / Berlin
Reichenberg i. Böhmen

Международная перевозка грузов
F. Wodtke
Berlin SW 61, Tellowerstr. 47/48

Э. Биркгольцъ и Ко.
Банкирская Контора
Адресъ для телегр. „Биркгольцбанкъ".
Производ. всѣхъ банковыхъ операцій
Покупка и продажа цѣнныхъ бумагъ.
Тел.: Lützow 32-29, 32-30. Berlin SW. 11, Königgrätzerstr. 48.

Вслѣдствіе забастовки печатников в Берлинѣ очередный номер газ. „Время" от 19 ноября не мог выйти.

СОДЕРЖАНІЕ.

Nobody: Шестой год республики. Жак Нуар: В бинокль жизни. Робур: На берегу сѣвернаго моря. Евг. Шкляр: Стихотвореніе. В Государственном банкѣ. Переговоры с Румыніей. Московскіе типы.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ОТДѢЛ.

В Государственном Банкѣ.

Государственный банк в Москвѣ посѣтили иностранные дипломатическіе представители.

В нижнем этажѣ были осмотрены грифовальныя и нумеровальныя машины. Бланки червонцев и номеров поступают в Госбанк и тут автоматически нумеруются и снабжаются подписями.

Во время осмотра работа шла полным ходом.

Из грифовальной вся группа направилась в кладовую. Огромный, низкій, с желѣзными сводами зал заставлен почти в рост человѣка ящиками, мѣшками и слитками благородных металлов.

Один из ящиков, по выбору дипломатов, был вскрыт и содержимое его провѣрено согласно описи, приложенной к ящику. В нем оказались золотые слитки.

Всѣ кладовыя занимают 4 этажа, и в них хранится на 96 мил. золотых рублей обезпеченія.

Из кладовых направились в счетную и развѣсочную комнату. Один из мѣшков, взятых из кладовой, был вскрыт, и содержимое его (тысяча кружков австрійских золотых монет в 20 крон каждая) было сосчитано упрощенным способом, путем выкладки на размѣренном квадратѣ стола.

Затѣм, на тончайших, взвѣшивающих с точностью до одной доли вѣсах был провѣрен вѣс слитков, взятых из избраннаго ящика.

Вернувшись в главное зданіе, в кабинетѣ с несгораемыми шкафами провѣрили иностранную валюту и золотые запасы, еще не сданные в кладовую.

Здѣсь были вскрыты два шкафа на выбор. В первом оказались англійскія и американскія банкноты на сумму 24 мил. золотых рублей, а во втором — золотые слитки и мѣшки с русскими золотыми монетами стараго образца.

Один из мѣшков, содержащій 2 тысячи пятнадцатирублевых имперіалов, был вскрыт и осмотрѣн.

Н. Н. Кутлер, между прочим, пояснил гостям, что осмотренный ими золотой фонд является фондом только эмиссіоннаго отдѣла Госбанка и ничего общаго не имѣет с золотым фондом Наркомфина СССР, который во много раз его превосходит.

Кромѣ того, было замѣчено, что хотя по закону обезпеченіе червонца полагается в размѣрѣ 25 процентов — в дѣйствительности червонец обезпечен Госбанком в размѣрѣ 50 процентов.

Россійскія перспективы.

В собраніи членов торгово-промышленнаго союза в Парижѣ извѣстным промышленником В. А. Ауэрбахом был прочитан доклад, рисующій взгляды и чаянія руководящих кругов русской эмиграціи.

О будущих россійских перспективах можно судить, говорит докладчик, по складывающейся міровой обстановкѣ. В послѣдніе годы в Европѣ происходит борьба идей социализма и націонализма. Не одержав побѣды, каждая из них значительно эволюціонировала. Социализм как научная теорія развѣнчан, но он остается жить в массах как религія, как исконное стремленіе людей к равенству и справедливости.

Идея націонализма побѣдила в рядѣ стран Европы, как реакція против социализма. Она одержала верх во Франціи в 1919 г., с провалом всеобщей забастовки, в октябрѣ того же года в Англіи, потом в Италіи, Болгаріи и теперь в Испаніи. Но этот новый націонализм не стремится к реставраціи прежних хозяйственных отношеній и возстановленію влияния привилегированных прежде групп. В этом отношеніи и Муссолини не стал на защиту «буржуев», и нынѣшнее болгарское правительство не является противником земледѣльцев и с ними совпадает: вообще с прежде боровшимися в Болгаріи за власть социалистическими и буржуазными группами.

Эта демократизированная идея націонализма идет на смѣну большевизма и в Россіи. Власть не перейдет к дворянам и не останется в руках рабочих. Первые скомпрометировали себя созданіем условій для революціи, вторые ея углубленіем. Торговопромышленники, как трудовой класс, могут занять влиятельное положеніе в будущей власти — среди рабочих, ремесленников, дѣловой интеллигенціи и деревенских кулаков, т. е. тѣх слоев, которым принадлежит будущее.

Народ в Россіи не дорожит парламентаризмом: он был равнодушен и к Учредительному Собранію, и — прежде — к репрессіям правительства в отношеніи Государственной думы. Населеніе искало в Россіи не политических и гражданских прав, а социальных реформ, и той власти, которая явится «Божіей милостью» (не обязательно монархической) и станет дѣйствовать в интересах народных масс — ей и принадлежит будущее.

Борьба за власть.

Троцкій пишет в «Правдѣ»:

Седьмой год революціонной эры ставит во весь рост проблему борьбы за власть. Эта задача — военно-политическая, также — революціонно-военная. Революціонно-политическая задача состоит в том, чтобы массы, почувствовавшія свое классовое единство, пошли к захвату власти. Связать пролетарскіе ряды жаждой завоеванія власти — значит создать непосредственную политическую предпосылку разрѣшенія военно-революціонной задачи, задачи фактическаго ниспроверженія фашистской диктатуры, овладѣнія матеріальным аппаратом государства. Это единственный путь спасенія Германіи, а также и Европы.

Мы не дѣлаем себѣ никаких иллюзій насчет простоты и краткости этого пути. Он будет страшно тяжел, он потребует величайших жертв, породит небывалыя потрясенія.

В гражданской войнѣ, которой германская буржуазія совмѣстно с французской стремится придать жестокій, опустошительный характер, могут возникнуть кровавыя столкновенія далеко за предѣлами Германіи.

Седьмой год послѣ октября рождается в грозных предвѣстіях. Мы — совѣтскій союз, единственная крѣпость трудящихся, должны быть сильнѣе, крѣпче, сплоченнѣе, тверже, вооруженнѣе, чѣм когда-либо, — чтобы встрѣтить всѣ испытанія, какія может принести будущее.

Японскія настроенія.

Японская газета «Осака Майничи» по вопросу о русско-японских отношеніях пишет, что постройка англійской военной базы в Сингапурѣ, направленной против военнаго могущества Японіи в Тихом океанѣ, вынуждает японскую націю искать союзников в лицѣ держав, могущих поддержать ее при возникновеніи каких либо конфликтов как с Англіей, так и с Америкой.

Задача настоящаго кабинета заключается исключительно в умѣлом разрѣшеніи русско-японскаго спора, при чем Японія должна пойти навстрѣчу СССР.

Переговоры с Румыніей.

В Тирасполь въѣхала румынская комиссія для возобновленія переговоров с совѣтским правительством.

Nobody.

Шестой год республики.

Исход пятаго и начало шестого года германской республики ознаменовались событіями и характерными и тревожными в смыслѣ дальнѣйшаго политическаго развитія Германіи. 8-го ноября в Мюнхенѣ вспыхнуло возстаніе крайних правых элементов, возстаніе, которое на первый взгляд, казалось, было поддержано авторитетными правительственными органами. Но уже через нѣсколько часов взяла верх болѣе трезвая оцѣнка вещей, и правительственная власть в лицѣ главнаго правительственнаго комиссара, фон Кара, а также войска в лицѣ генерала фон Лоссова выступили против мятежников и подавили возстаніе.

Нам, конечно, не пристало вмѣшиваться во внутреннія политическія дѣла страны, гостепріимством которой мы пользуемся. Нам такое платоническое вмѣшательство пристало еще меньше, чѣм вмѣшательство иностранных держав, от котораго послѣднія отмежевываются, как то было высказано путем вербальной ноты переданной французским послом в Берлинѣ канцлеру. Но вмѣстѣ с тѣм французскій дипломат очень опредѣленно высказал мнѣніе, что Франціи, в частности, не может быть безразлично, является ли хозяином положенія в Германіи военный диктатор или-же демократическое парламентское правительство.

Заявленіе это, с точки зрѣнія политическаго обозрѣвателя, несомнѣнно весьма интересно. Но не менѣе интересен и отвѣт д-ра Штреземана, в котором опредѣленно и дважды подчеркивается справедливый взгляд, что возможность мечтаній извѣстных слоев германскаго народа о военной диктатурѣ, есть ничто иное как результат политики, облюбованной французским правительством по отношенію к Германіи. И дѣйствительно, можно быть какого угодно мнѣнія о политической зрѣлости германскаго народа, о его симпатіях и антипатіях к монархіи и республикѣ, не подлежит сомнѣнію, что идея демократіи и республики в Германіи в значительной мѣрѣ дискредитована тѣм, что со стороны французскаго правительства сдѣлано все возможное для того, чтобы создать затрудненія демократическому и республиканскому строю в побѣжденной странѣ. Надежды на то, что с одновременным переходом Германіи с полуабсолютистическаго режима на режим демократический бывшіе побѣдители поступят с демократіей иначе, чѣм с монархіей, оказались тщетными. Наоборот, все говорит за то, что выступленія монархистов в Германіи, в частности в Баваріи, даже поощрялись французскими властями. Т. н. санкціи, не находящія себя оправданія даже в версальском договорѣ, погнали в лагерь германских монархистов сотни тысяч, а разочарованіе в том, что побѣдители не щадят республику больше, чѣм монархію, превратил дальнѣйшія сотни тысяч граждан из распубликанцев по разуму в монархистов по чувству. По меньшей мѣрѣ половина всѣх бѣд переживаемых в настоящее время Германіей и кризис переживаемый республиканским строем в этой странѣ должны быть поставлены в счет политики Антанты. Неудивительно поэтому, если на исходѣ пятаго года республики единство и крѣпость этого республиканскаго строя подверглись такому серьезному испытанію, как в Мюнхенѣ и в других мѣстах страны.

Сумерки германскаго республиканизма, все-же болѣе крѣпкаго, чѣм то думают внѣ Германіи, ничего общаго не имѣют с возвращеніем бывшаго кронпринца на родину. В этом возвращеніи многим мерещится нѣчто вродѣ зари германскаго монархизма. Думается, что это не так. Уже то обстоятельство, что публика отнеслась весьма безучастно к возвращенію бывшаго наслѣдника престола, является весьма характерным для Германіи наших дней. Нисколько не преуменьшая силы германских монархистов, надо однако сказать, что в своей совокупности эти монархисты представляют собою чрезвычайно конфузную и странную компанію. Они не могут прежде всего об'единиться на личности претендента на престол, и на конечных цѣлях движенія. Пока это не случится, они в состояніи вызвать правда «великія потрясенія», но совершенно безсильны провести в жизнь «великую» реформу.

Nobody.

Юбилей Моск. Худ. Театра.

(1898—1923).

Двадцати-пятилѣтній юбилей московскаго Художественнаго театра, — пишет Solus в «Н. М.», — событіе мірового характера и чествуется в настоящее время во всѣх уголках цивилизованнаго міра.

Во главѣ театра стояли и доселѣ стоят незыблемо два человѣка К. С. Станиславскій и Вл. И. Немирович-Данченко.

О них можно написать монографіи, но то, что они создали — значительнѣе их самих: они произвели громадный переворот в театрѣ, — коренныя измѣненія — такія, которыя в искусствѣ и в жизни человѣчества совершаются только в огромные періоды работы многих вѣков.

О значеніи и смыслѣ этого переворота в театрѣ нѣт еще серьезнаго труда.

Восхищаются игрой всей труппы, преклоняются перед геніем Станиславскаго, умом, организаторской энергіей и любовью к театру Вл. И. Немировича-Данченко, но не понимают всей глубины новых достиженій в драмѣ и вообще в театрѣ.

Нѣмецкіе критики, удивляясь красотѣ постановок, — восхищаясь пьесами, языка которых они не понимали, не сумѣли найти философскія и эстетическія обоснованія тому, что создал московскій Художественный театр в области задач театра нашего вѣка. То же можно сказать и о чешской критикѣ.

В исторіи театра слѣдует теперь считать три кардинальных этапа творчества. На вершинах этих этапов мы прежде всего поставим Софокла с его идеей трагическаго рока, повергающаго во прах великих и благородных людей. Затѣм через тысячелѣтія назовем Шекспира с его трагедіей сильных людей, обуреваемых страстями и погибающих от непримиримых конфликтов и противуположных стремленій; наконец — в наши дни: Чехова и Метерлинка, у которых трагедія, — то-есть неизбѣжность страданія и гибели, — постигает не сильных людей, не героев, — их уже теперь нѣт, а цѣлыя группы людей, общественные классы, даже цѣлые народы...

Страданья и неизбѣжность гибели здѣсь не проявляют себя на ярким звуком, ни яркой формой, здѣсь люди, группы людей — подавленные, невнятные также вызывают в зрительном залѣ театра глубокія трагическія чувства и переживанія — совершенно иными формами игры и иными совершенно сценическими пріемами, дающими воспринять невнятное, невидимое и неслышимое трагическое начало со всей силой художественной экспрессіи.

То, что создали в этом отношеніи «художественники» — можно сравнить с геологическим переворотом.

Но развѣ в жизни современнаго человѣка, в его душѣ не произошел громадный психологическій переворот?... И развѣ трагическое начало, этот основной элемент пессимистическаго міровоззрѣнія человѣчества, не получило новыя формы и новые источники для страданія и чувства роковой безвыходности?

Посмотрим, как все это случилось и почему московскій Художественный театр, всегда восхищавшій массы, притягивающій к себѣ, — чарующій, — тѣм не менѣе встрѣтил ожесточенныя нападки всѣх русских критиков. И только критик и эстет С. А. Андреевскій и пишущій эти строки с первых спектаклей москвичей отстаивали геніальность созданнаго в Художественном театрѣ новаго искусства.

Всѣ русскіе критики, во главѣ с А. Р. Кугелем и Карповым, всѣ лучшіе театры и корифеи стояли за старое искусство, увѣряя упорно, что труппа московскаго Художественнаго театра не талантлива, что в их театрѣ актер принижен и лишен свободнаго творчества, что кропотливая работа над мелочами, деталями постановки, работа на репетициях до пота, до повторенія одной и той же сцены десятки раз подряд, всѣ эти трюки одухотворенной обстановки, природы, — возня с гримом и вообще ансамблем — только убивают свободное творчество, порабощают его, подчиняя деспотической власти режиссера и притѣкая и ломая счастливую выдумку экспромта.

Корифеи наших образцовых театров, — Александринскаго, московскаго Малаго, частные театры Комиссаржевской, Незлобина и др. — смотрѣли на актеров труппы Художественнаго театра с снисходительностью опытных людей и давно признанных талантов.

Они и были таковыми. Давыдов, Варламов, Савина, Юрьев, Правдин, Ермолова, Садовскіе — крупнѣйшіе таланты русской сцены, гордость русскаго театра, — они были великолѣпны в комедіях Островскаго, Грибоѣдова, Гоголя, — а Чехова и Метерлинка играть не умѣли, проваливали их с грохотом, так что Чехов послѣ абсолютной неудачи постановки в Александринском театрѣ «Чайки» бѣжал с первым попавшимся поѣздом из Петербурга в Москву в полном отчаяніи. И впослѣдствіи, когда слава Чехова, как драматурга, была уже на зенитѣ, и публика ломилась на его пьесы в московскій Художественный театр, — артисты образцовых (императорских) театров пытались ставить пьесы Чехова и всегда — без всякаго успѣха.

Только драма Чехова «Иванов» удалась Александринскому театру, но именно потому, что это была пьеса, написанная в старом стилѣ — героическом.

Представители стараго, отжившаго искусства не могли переломить себя и подчиниться духу времени, и естественно отрицали все то новое, что отрицало их.

Застывши в своих традиціях, в техникѣ читки, грима, индивидуальности игры, они не замѣчали смѣны массовой психологіи, — духа времени. Они хотѣли играть героев, а их то уже не было в жизни: были скромные дюжинные люди, сѣренькіе, сдержанные, умѣющіе лишь страстей ограничивать требованіями бухгалтерской книжки или указаніями домашней книги приходов и расходов.

Сильный человѣк исчезал, живого гармоническаго сочетанія мысли, слова, дѣла нельзя в наше время осуществлять в обыденной жизни.

Сами актеры, играя Шекспира не переживали могучих страстей, которых у них не было, отдѣлывались техникой искусства, трафаретами грима, походки, читки — и имитировали, а не создавали на сценѣ героев шекспировскаго типа.

На тридцать тысяч русских актеров в XX вѣкѣ нельзя было найти двух трагических актеров для шекспировскаго репертуара да и на Западѣ сцена оскудѣла «героями».

Росси, Сальвини, Матковскій, Гарнай, и еще с пяток — не болѣе того — на всю Европу.

Шекспировскій театр выродился.

Пришла масса, — коллектив, исчезли герои, но не исчезло трагическое начало в жизни и отразилось оно в коллективѣ, в цѣлой группѣ маленьких людей, которые всѣ вмѣстѣ воплощали в себѣ новое трагическое начало, и вновь откликались на исконную неизбѣжную мелодію мірового пессимизма.

Нужны были новыя пьесы, новая техника, новые актеры — громадный переворот в театрѣ, о котором и давно пора говорить, чтобы понять цѣнность достиженій московских художников сцены.

Когда рыцарь старых времен загорался ненавистью, в руках его сверкал меч и враг валился на земь. Любил — и по веревочной лѣстницѣ забирался на балкон к своей Джульеттѣ.

Душа была полна страстями, но находила для них выход.

Наше время — гнет подавленных желаній, безволіе и неврастенія, тихія скорби, осторожное негодованіе, расчетливая любовь — сдержанность нервов и страстей.

А когда страсти не находят выхода — онѣ разрушают волю.

Наше время не понимает ревности Отелло. Она нас теперь только удивляет.

Мы утратили органическую связь между мыслью, словом и дѣлом.

Поэтому и не понятны и чужды нам герои Шекспировскаго типа.

Возрожденіе героическаго — Шекспировскаго театра стало очевидным.

На сцену протискивался другой герой, — всѣм понятный и близкій, и каждый зритель и слушатель был частицей этого героя.

Поиски этого героя велись в связи с попытками возродить прежнее значеніе театра. Рейнгард пробует возродить античный театр, и для этого переносит в цирк «Царя Эдипа», надѣясь механически возстановить живую связь зрителей и актеров.

Но старыя формы все же не отвѣчали новым настроеніям.

Трагическое чувство страданія и гибели — пессимизм проявлялись уже не в старых мифах, не в отдѣльной личности, а в групповых переживаніях.

Мейнингенцы поняли, что нѣт или очень мало актеров на героическое амплуа и стараются опереться на ансамбль, на толпу, которую мастерски организуют в единое цѣлое. Толпа у них живет. Во Франціи в «Свободном театрѣ» Антуана Метерлинк ставит свои пьесы, лишенныя дѣйствія, передающія не событія, а пороки человѣческой души. Жадно ищет новой драмы геніальный Чехов, восставая и против измельчанія театра. — «Современный театр, это рутина, предразсудок, — говорит Чехов устами неудачника Треплева в «Чайкѣ». «Когда поднимают занавѣс и эти великіе жрецы святого искусства пьют, ѣдят, ходят, любят, носят свои пиджаки и... из пошлых картин хотят выудить мораль, — мораль маленькую, удобопонятную, полезную в домашнем обиходѣ... я бѣгу как Мопасан от Эйфелевой башни, которая давила ему мозг своей пошлостью».

В началѣ 90-х годов Гауптман написал свою пьесу «Ткачи». Я помню постановку ея в Берлинѣ в «Deutsches Theater» и никогда не забуду полученнаго тогда впечатлѣнія. Я видел перед собой группу бѣдных рабочих, — женщин, дѣтей, стариков; в душной комнатѣ, дымной и тусклой, протекала в страданіях их жизнь, и медлительно, но неуклонно блекли блѣдныя как воск молодыя лица, всѣ эти люди были прикованы к станку и обречены на безрадостную жизнь и медлительное увяданіе...

Впечатлѣніе было поразительно яркое и глубоко трагическое. Перед нами — сама Жизнь, обреченная на неизвѣдомыя страданія и неизбѣжную гибель.

К пьесам с новым трагическим героем нужно отнести пьесу Горькаго «На днѣ». Всѣ пьесы Чехова, кромѣ «Иванова», «Слѣпых» Метерлинка.

Геніальность московскаго Художественнаго театра в том и заключается, что начав осторожно, ощупью, как во тьмѣ, движимые только инстинктом таланта, свободные, как любители, от всяких сценических традицій и предразсудков, они пришли к новому искусству удивительным и длинным путем любви и труда и достигли на этом пути изумительных достиженій, еще и теперь не вполнѣ оцѣненные за 25 лѣт их исканій, разочарованій и наконец побѣд.